

Кириллические книги для обучения грамоте XVI–XVII веков

При рассмотрении репертуара той или иной рукописной либо печатной книжной традиции нельзя не выделить среди других книг, назначение которых состоит в том, чтобы обслуживать эту традицию, создавая возможность без труда обращаться ко всему, что входит в ее состав. По своему содержанию эти книги связаны с языком, плохое или недостаточное знание которого значительно затрудняет чтение содержащихся в них текстов. Воспроизводство подобных книг не теряет актуальности, как это случается со многими литературными произведениями или учеными трактатами; необходимость в них не может исчезнуть, пока передача информации происходит в текстовой форме.

Книги такого рода легко найти в средневековой славянской книжности, использовавшей для своих целей кириллический шрифт. Они регулярно переписывались, многократно издавались славянскими типографиями. Однако сохранилось их очень немного, главным образом из-за активного употребления, приводившего к их физической порче, а затем и к уничтожению. Сейчас они разбросаны по многим хранилищам, причем ни одно из них не может похвастаться полнотой подбора подобных изданий, да и состояние экземпляров этих книг зачастую оставляет желать лучшего.

Среди кириллических изданий XVI–XVII вв. можно найти целый ряд пособий, посвященных церковнославянскому языку, причем не все они имеют одинаковое назначение. В целом они разделяются на две большие группы — на книги учебные и книги ученые. В число первых, главным образом, входят те, которые служили для обучения грамоте. В Средние века у восточных славян с этой целью издавались Азбуки и Буквари, так

как именно в них разбирались способ и порядок записи человеческой речи, что позволяло затем переходить собственно к чтению книг. После освоения Азбуки обучаемые занимались упражнениями в чтении, для которых обычно выбирались Часовник и Псалтирь, что было связано с важностью содержания этих двух книг для любого православного человека. В Часовник входили службы, в которых следовало принимать участие в течение дня. Псалтирь содержала тексты, являвшиеся основой христианского богослужения; кроме того, она представляла собою незаменимую книгу для правильного с обрядовой точки зрения расставания с усопшими. Примечательно, что практика использования текста Часовника для упражнений в чтении получила воплощение в книге, изданной в Вильне в 1596 г., в выходных сведениях которой было заявлено, что это «Часовник. В нем же напереди Азбуки к научению детям, хотящим разумети писание».

В названиях книг для обучения грамоте не было единства. Разделение таких книг по содержанию на Азбуку и Букварь с пониманием под «Азбукой» самого простого и элементарного пособия сложилось в среде библиографов. Сами типографы называли книги по-разному: и Азбукой, как это делал московский печатник Василий Федоров сын Бурцов¹, и Букварем, что в XVII в. стало почти общепринятым в юго-западной Руси², и даже Грамматикой³. Нередко этим книгам не давали названия вовсе; с точки зрения типографов, вполне достаточно было и заголовка на первом листе с указанием на то, что это «начало учения детям, хотящим разумети писание»⁴.

Первое кириллическое издание книги для обучения грамоте вышло в 1561 г. в Тюбингене в типографии Примуса Трубера, где в ту пору в миссионерских целях протестанты печатали книги для южных славян кириллическим и глаголическим шрифтами. И хотя сами типографы понимали издаваемую ими книгу как *Abecedarium* (то есть Азбуку), азбучные тексты занимали в ней лишь малую часть; главное место отводилось текстам катехизического содержания. Примечательно, что точно такое же пособие, там же и в том же году было, напечатано глаголическим шрифтом.

¹ Бурцов следовал традиции львовской Азбуки 1574 г., напечатанной Иваном Федоровым, в выходных данных которой, впрочем, этого названия не найти. Иван Федоров определил свой труд как взятое из ряда источников «мало нечто ради скораго младенческаго научения». Между тем в начале следующей за алфавитом и слогами части книги он посчитал необходимым сообщить: «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии».

² Впервые в издании виленского братства, осуществленном в Евье в 1618 г.

³ Таково название острожского издания книги 1598 г., а также виленских изданий Леона Мамонича 1618 и 1621 гг.

⁴ Подобный заголовок появился у Ивана Федорова в Остроге при переиздании львовской Азбуки 1574 г.

Первую Азбуку для восточных славян выпустил Иван Федоров — она была издана в 1574 г. во Львове. По словам первопечатника, он сам, «вмале сократив» традиционные учебные тексты, «сложих» книгу, — и этому утверждению можно вполне доверять, по крайней мере на основании дальнейшей истории печатания им пособий для обучения грамоте. Впоследствии на долю Ивана Федорова выпало выпустить еще две Азбуки, но сделал он это уже в Остроге¹. Там он перепечатал львовскую Азбуку, причем существенно дополнил ее, включив в ее состав «Сказание, како состави св. Кирилл Философ азбуку по языку словенску» — сочинение, в котором трактовались вопросы достоинства славянского языка и его равенства трем библейским языкам. Эта острожская Азбука стала образцом для целого ряда позднейших изданий, в том числе и для изданий московского печатника Василия Федорова Бурцова.

Другое острожское издание Ивана Федорова также было весьма необычным: в 1578 г. он издал Азбуку для изучающих греческий язык. В сравнении с Азбукой славянской она была заметно сокращена; кроме греческого алфавита в ней остался только текст основных молитв на греческом языке с переводом его на церковнославянский. При этом в выходных сведениях можно было обнаружить одно очень важное замечание, показывающее, с какой целью предпринималось печатание книги: Иван Федоров указал, что необходимость в издании возникла в связи с устройством в Остроге школы для детей.

Связь выпуска Азбук с деятельностью школ легко проследить и на других примерах. Так, только отсутствием долгое время в Москве учреждений, где производилось бы регулярное школьное обучение детей, следует объяснять то, что до тридцатых годов XVII в. там не выпускали печатных Азбук. Лишь с попыткой патриарха Филарета в 1632 г. организовать школу появилась потребность в печатании Азбук, и еще до 1634 г. на Печатном дворе вышли сразу два издания книги (экземпляр одного из них, малоформатного, по-видимому, находится в собрании Государственного исторического музея в Москве (ГИМ)²). В 1634 г. Азбуку выпустил московский печатник Василий Бурцов, в 1637 г. он повторил издание, заметно изменив содержание книги и снабдив ее весьма поучительной гравюрой.

¹ Существует мнение, что это одно издание, датированное 1578 г. (см.: *Немировский Е. Л.* Азбуки Ивана Федорова, его учеников и последователей / Под общ. ред. Ю. Э. Шустовой. Пятигорск, 2015. С. 53–57). Оно основано на факте обнаружения обоих изданий под одним переплетом. При этом его приверженцы почему-то не учитывают наличие у одной из частей конволюта титульного листа (с датой 1578 г.) и такого элемента издания, как марка печатника, четко показывающего на конец книги.

² См. о ней: *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010. С. 72, сн. 343.

На гравюре была изображена сцена наказания нерадивого ученика¹, но, чтобы не возникало сомнений, где происходит действие, печатник снабдил гравюру надписью: «училище».

Издания, выпущенные в 1630-х гг. на Печатном дворе и в типографии Бурцова, не были одинаковыми. Печатный двор, если судить по экземпляру ГИМ, напечатал учебник самого элементарного типа; содержание его составляли алфавит, двух- и трехсложные слова, названия букв, кириллическая цифирь и описание ударений. Подобные, но чуть более расширенные Азбуки в дальнейшем неоднократно печатались в московской типографии. В документах Печатного двора их называли «азбуками на листе», поскольку один экземпляр издания можно было напечатать с использованием только одного листа бумаги (обычным форматом Азбуки была 8-я доля листа, а объем после фальцовки листа, соответственно, составлял 8 листов). Экземпляры таких изданий исключительно редки, даже несмотря на то, что они выпускались порою очень большими тиражами, сразу в несколько заводов².

В отличие от «азбук на листе», в Азбуках Бурцова содержались тексты для чтения, причем в первой, 1634 г., вслед за Иваном Федоровым, печатник поместил ряд важнейших молитвословий, нередко упоминаемых в богослужебных книгах без приведения полного текста³, а также несколько выдержек нравоучительного содержания из Священного писания⁴. Из Азбуки 1637 г. он, оставив нравоучительные выдержки из Священного писания, убрал молитвословия; вместо них Бурцов внес в книгу катехизические статьи, в которых шла речь о заповедях Ветхого завета, заповедях и блаженствах евангельских, добродетелях милосердия и т. п. Позднее в московской традиции эти тексты выпускались и вне Азбуки, отдельным изданием, с добавлением катехизиса; эта книга получила название «Заповеди Божии и церковные»⁵.

¹ Идея помещения подобного изображения, несомненно, была заимствована Бурцовым из виленских Букварей 1618 и 1621 гг., но, в отличие от этих изданий, гравюра была помещена не на титульном листе, а в качестве фронтисписа.

² Об этом см.: *Мошкова Л. В.* 1) Азбука-восьмилистка — «гадкий утенок» русского просвещения // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2011. № 3 (45). С. 87–88; 2) Азбука-восьмилистка XVII в.: История и проблемы изучения // *Вестник славянских культур.* 2012. № 1 (XXIII). С. 62–67; *Савельев А. А., Савельева Н. В.* «Азбука учебная» Кариона Истомина // *Litterarum fructus: Сб. статей в честь Сергея Ивановича Николаева.* СПб., 2012. С. 53–55. К сожалению, авторами этих работ не было учтено московское издание первой половины 1630-х гг.

³ И это объясняет цель их включения в Азбуку еще Иваном Федоровым: подобные молитвословия следовало знать наизусть.

⁴ Иван Федоров остановил свое внимание, прежде всего, на Притчах царя Соломона и Апостоле.

⁵ См.: *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 82, сн. 397.

Издание Азбук на Печатном дворе активизировалось с восшествием на патриарший престол Никона, однако переиздания во второй половине XVII в. удостоилась только «азбука на листе». При выпуске более содержательных книг для обучения грамоте типографы обращались не к Азбукам Бурцова, а к другим источникам. О происхождении этих источников можно судить по выходным сведениям новых книг, в которых они названы «Букварями языка славенска». Это название могло быть только заимствовано, причем только из юго-западной Руси.

В землях Великого княжества Литовского, как и в Москве, выпуская Азбуки, ориентировались на книжный язык, но там, в отличие от Москвы, был не один, а два книжных языка: церковнославянский и, как именовали его сами печатники, «русский» — так называемая «простая мова». Это и вынуждало юго-западно-русских типографов уже на титульном листе своих пособий, посвященных языковым вопросам, обязательно указывать, о каком именно языке идет речь, и традиция эта сохранялась по крайней мере в течение всего XVII в.

Церковнославянский язык в Великом княжестве Литовском использовался в богослужении, тогда как «мова» служила для обсуждения дел мирских. Подобное функциональное разделение двух языков тем не менее не препятствовало одновременному их появлению в одной книге, однако их использование было всегда регламентировано. Так, в «Грамматике славянского языка» псевдо-Дамаскина, выпущенной в Вильне в 1586 г., основной текст книги, в соответствии с ее названием, принадлежит к памятникам церковнославянского языка, хотя и имеет латинские маргиналии, выходные же сведения написаны на «простой мове». И подобное сосуществование двух языков не было редкостью в виленских изданиях второй половины XVI в.

Следует отметить, что в юго-западной Руси издавались Азбуки и Грамматики только одного из двух книжных языков: церковнославянского. И объяснение этому, кажется, заключается в том, что наибольшую часть изданий, печатавшихся там кириллицей, составляли богослужебные книги. Между тем церковнославянский язык был в литовских землях к этому времени уже малопонятен. Не случайно еще в 1596 г. Лаврентий Зизаний, издав «Грамматику словенску», тотчас же поспешил выпустить книгу, получившую название: «Наука ку читаню и розумению писма словенско-го». В состав «Науки» вошли самая элементарная Азбука¹, «Лексис» — составленный Лаврентием Зизанием словарь, в котором церковнославянские слова переводились на «мову», а также «Изложение о православной вере» Стефана Зизания — краткий катехизис.

Еще более показателен другой пример. Когда в 1642 г. во Львове решились на издание «Поучения новопоставленному иерею» в сочетании

¹ В сильно усеченном виде: только алфавит, слоги и несколько молитв.

с сочинением «О тайнах церковных в посполитости» Сильвестра Косова, типографы были вынуждены печатать первую часть книги на церковно-славянском языке: такова оказалась традиция бытования этого памятника¹. Поэтому сразу за его текстом типографы посчитали необходимым прибавить «Изъяснение темнейших словес, в Поучении сем обретающихся» — небольшой словарь, в котором некоторым словам, расположенным в алфавитном порядке, дано истолкование их значения на «простой мове». Примечательно указание в конце «Изъяснения темнейших словес»: «Прочая потщися сам изобрести и изучити в Лексиконе».

В этом указании, несомненно, говорится о вполне конкретной книге — о «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды, напечатанном в Киеве в 1627 г. Появление «Лексикона», который его составитель напечатал на свои средства, кажется, следует связать с активизацией типографской деятельности Киево-Печерской лавры. В 1620-х гг. там напечатали целый ряд очень важных для православной церкви прежде не издававшихся книг; все они, по традиции, были на церковнославянском языке. Памва Берында, принимавший большое участие в работе лаврской типографии, не мог не учитывать этого факта, тем более что непонятность церковнославянского языка простому люду к тому времени осознали и в лавре: не случайно в том же 1627 г. в Киеве выпустили Триодь постную, в которой синаксари отличались от других текстов тем, что их языком была «простая мова»². Нельзя не обратить внимания на то, что церковнославянский язык расценивался Памвой Берындой в качестве столь же непонятного, как языки еврейский, греческий и латинский, разъяснение слов которых, взятых главным образом из Библии, он привел в приложении к «Лексикону». Следует заметить, что книга Берынды не потеряла актуальности и в дальнейшем: в 1653 г. ее переиздали в Кутеине³.

Особенности школьного образования в юго-западной Руси оказали влияние на издание там целого ряда Грамматик, которые также предполагали использовать для обучения, но на более высоких его стадиях. Первая такая книга появилась на свет во Львове в 1591 г. — ее издали для братской школы с целью обучения юношества греческому языку. Позднее в Великом княжестве Литовском напечатали «Грамматику», составленную Мелетием Смотрицким; в ее предисловии автор посчитал необходимым

¹ См. о нем: *Вознесенский А. В.* Об одном издательском проекте патриарха Иосифа: Поучение святительское новопоставленному иерею 1649 года // *Litterarum fructus*: Сб. статей в честь Сергея Ивановича Николаева. С. 45–46.

² *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 42, сн. 197.

³ Непонятность церковнославянского языка населению Великого княжества Литовского фиксировали и другие типографы. Так, именно это обстоятельство подчеркивалось в предисловии к Евангелию учительному (издано в братской типографии в Евье в 1616 г.) иноками братского монастыря при объяснении того, почему книга выпущена в переводе на «русский» язык.

обратиться к «учителем школьным» и пояснить, в чем он видит цели школьного обучения.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого была взята за основу при подготовке московского издания, осуществленного в 1648 г., однако выпуск этой книги был связан не с образовательными проектами великорусских властей, а с активизацией процессов книжной sprawy на Печатном дворе. В Москве тогда испытывали насущную потребность в Грамматике: важно было объяснить, почему в богослужебные книги стали вноситься те или иные изменения. Кроме того, она должна была стать руководством для справщиков в их дальнейших трудах¹. Издание 1648 г. осталось единственным опытом публикации грамматического пособия в Москве в XVII в., почему и продолжало использоваться, в том числе и в училищах, еще и в следующем столетии.

Собственно для обучения в Москве в XVII в. предпочитали издавать Азбуки. Во второй половине века их содержание, как упоминалось, заметно изменилось, хотя самую элементарную Азбуку Печатный двор продолжал выпускать, причем очень большими тиражами. Новым было издание Азбук «с вопросы» или «учительных», а также Азбук «с арациями». Первые получили свое название в связи с тем, что в них было включено «изложение о православной вере кратким вопрошанием и отвещанием», то есть небольшой катехизис, написанный в вопросно-ответной форме Стефаном Зизанием, вторые — в связи с наличием в их составе особых «приветствований» — текстов, содержащих примеры того, каким образом следовало поздравлять близких, родителей и благодетелей по случаю важнейших церковных праздников².

Издание Азбук и Букварей считалось в XVII в. важным делом. В нем принимали участие выдающиеся деятели культуры того времени. В 1679 г. Букварь был напечатан в Верхней типографии Симеоном Полоцким, к концу века целый ряд книг для обучения грамоте издал Карион Истомина. При этом он посчитал необходимым выпустить и самое элементарное пособие (в 1698 г.)³, и Букварь с обширными текстами для чтения (в 1696 г.), и роскошное цельногравированное издание (в 1694 г.); следует отметить, что два последних издания предназначались для обучения отпрысков богатых родителей.

Новое время принесло изменения в систему образования в России, с этими изменениями пришли и новые книги, которые имели уже другое содержание и в составлении которых участвовали другие авторы.

© Вознесенский А. В., 2017

¹ *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 71.

² Там же. С. 82, сн. 396.

³ *Савельев А. А., Савельева Н. В.* «Азбука учебная» Кариона Истомина. С. 55–61.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуро, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7